

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Поездка в театр

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619395*

Аннотация

«... Сердце Коли Кинжалова колыхнулось и провалилось куда-то далеко-далеко...

Он сразу, с ужасающей ясностью, почувствовал, что сейчас, после этого оскорбления, должно произойти что-то такое ужасное, такое неотвратимое и такое ничем уже не поправимое, после чего сотрется и исчезнет их поездка, театр, новый смокинг, купленные по чрезвычайно удачному случаю лаковые ботинки и даже сама Лизочка Миловидова – его первая благоуханная любовь. ...»

Аркадий Аверченко

Поездка в театр

Ловким, грациозным движением Коля Кинжалов подсадил Лизочку Миловидову на площадку трамвая, а потом, вслед за ней, так же грациозно вскочил и сам.

Коля Кинжалов в этот вечер чувствовал себя в особенном ударе. Был он в новом смокинге, лаковых ботинках, купленных по чрезвычайно удачному случаю, и теперь ехал с Лизочкой в театр, что сулило ему много впечатлений, прекрасных и захватывающе интересных.

– Пардон-с, пардон-с, – вежливо, но твердо говорил он стоявшей в проходе публике, – позвольте даме пройти вперед!

У него в уме уже назревала остроумная шутка, которую он скажет, получая от кондуктора билет. Это должно было расшевелить Лизочку, а, развеселившись, она будет еще плотнее прижиматься к его плечу и еще более мягким взглядом будет смотреть на него, сильного и умного Колю Кинжалова...

– Господа, пардон! Позвольте даме пройти вперед и, ради бога, не толкайтесь.

Вагон неожиданно остановился.

Сделав испуганное лицо, Коля Кинжалов пошатнулся, растопырил руки, подпрыгнул и сел на колени какому-то

дремавшему человеку в меховой куртке, пребольно наступив ему на ногу.

Господин встrepенулся, столкнул с себя Колю и сурово сказал:

– А чтобы тебя черти взяли! Медведь!!

Сердце Коли Кинжалова колыхнулось и провалилось куда-то далеко-далеко...

Он сразу, с ужасающей ясностью, почувствовал, что сейчас, после этого оскорбления, должно произойти что-то такое ужасное, такое неотвратимое и такое ничем уже не поправимое, после чего сотрется и исчезнет их поездка, театр, новый смокинг, купленные по чрезвычайно удачному случаю лаковые ботинки и даже сама Лизочка Миловидова – его первая благоуханная любовь.

Он оставил руку Лизочки, обернул свое пылавшее жаром лицо к господину в меховой куртке и тонким, срывающимся голосом, чувствуя за спиной Лизочку, вскричал:

– То есть... Это кто же медведь?!

– Вы – медведь, черти бы вас разорвали! Своей лапой вы совсем в лепешку расплющили мою ногу!

«Сейчас надо ударить, – лихорадочно быстро пронеслось в голове Коли Кинжалова. – Кулаком или ладошкой? Ладонью лучше, потому что это считается пощечиной... Благодарнее и оскорбительнее...»

Коля вынул правую руку из кармана и дрожащим голосом сказал:

– Если вы смеете оскорбляться, то я... смею драться!! Я вам покажу сейчас.

Немедленно же Коля пожалел, что не ударил своего противника сразу: в таких случаях обыкновенно не разговаривают.

– Вы у меня узнаете, как оскорбляться!!

– Чего-с?

Господин вскочил, двинулся на Колю, и Коля сразу увидел, что господин выше его на целую голову...

– За такие оскорбления бьют... – болезненным шепотом вырвалось у Коли.

– Неужели? – иронически протянул вскочивший, расстегивая меховую куртку. – Неужели? А что, если я выдеру сейчас твои красные ушонки и засуну тебя под скамейку, как паршивого зайчонка! А?!

Кто-то из публики, с наслаждением дожидавшейся начала драки, засмеялся.

Мастеровой в издерганной шапчонке восторженно хлопнул себя по животу и взвизгнул:

– Бейтесь, братцы!

Истинный художник – он интересовался не результатом дела, а его процессом...

Двумя звонкими пощечинами прозвенели в ушах Коли Кинжалова незабываемые на всю жизнь слова:

– Красные ушонки... паршивый зайчонок...

Падая в бездну, Коля, сам не зная для чего, схватил гос-

подина за руку и жалобно пролепетал:

– Нет... этого я так не оставлю...

Но тот уже странно, устало сторбился, с оскорбительным равнодушием зевнул в самое лицо Коли и небрежно обратился к кондуктору:

– Конюшенная скоро?

– Сейчас остановка.

Господин стряхнул с себя Колину руку и, насвистывая, направился к выходу.

Цепляясь за меховую куртку, Коля шел за уходящим и плачущим голосом кричал, теряя по дороге остатки рыцарства:

– Нет, вы так не уйдете... Вы меня оскорбили...

– Ну!! – угрожающе обернулся тот. – Что нужно?!

– Вы ругались, вы оскорбляли меня, хорошо же...

Одной рукой Коля держал господина за рукав, а другой неуклюже шарил в смокинге одеревеневшими пальцами бумажник.

– Ага... Вот! Если вы порядочный человек!

Коля вынул карточку и подал ее господину в меховой куртке. Ощущение чего-то невыносимо позорного и скверного стало исчезать, уступив место сознанию, что сейчас Коля думает и поступает, как решительный человек и джентльмен с твердыми правилами.

– Это что еще за комедия?

– Это не комедия... это моя карточка, с помощью которой

я вызываю вас на дуэль!

– На дуэ-эль?!

Господин, не читая, потрепал карточкой по пальцам своей левой руки, скомкал карточку, бросил карточку на пол, сказал громко и отдельно:

– Ду-рак!

И вышел на площадку, ловко соскочил потом со ступеньки, еще до остановки вагона.

Коля двинулся вслед за ним и, перевесившись через перила, закричал:

– А, что, испугался, негодяй?! То-то! А то бы я переломал твои кривые ножонки! Трус, трус, подлец!!

Странно: Коля Кинжалов сделал, кажется, все, что полагалось порядочному человеку, но возвращался он к Лизочке со странным и неприятным ощущением высеченного человека...

И она его встретила странно: отдернула руку и нервно сказала:

– Садитесь уж!.. Вон свободное место.

Ехали молча.

Коля пожевал губами, проглотил обильную слюну и непринужденно начал:

– Его счастье, что удрал!.. А то бы...

Потом небрежно улыбнулся:

– Был у меня в Ялте тоже подобный случай, только с более печальным для того человека исходом... Сажусь я тоже

таким же родом в трамвай и, представьте...

Коля говорил нарочно громко, чтобы его слышала и посторонняя публика.

– Сажусь я в трамвай и, представьте...

Сосед Лизы, отставной военный, улыбнулся и сказал, обращаясь более к Лизе:

– Жаль только, что в Ялте нет трамвая!

Восторженный мастеровой захохотал. Усмехнулись и другие.

Коля наклонил голову и стал застегивать уже застегнутую пуговицу пальто.

– То есть не трамвай... а этот самый... как его...

– Дирижабль? – подсказал кто-то из угла. Лизочка звонко расхохоталась. Коля насильственно улыбнулся и пошутил:

– Ну вот... вы еще скажите: воздушный шар! Да... сажусь в дилижанс, а он меня ка-ак толкнет! «Извинитесь!» – «Не желаю». – «Извинитесь!» – «Не желаю». – «Ага... не желаете?» Схватил его да в запертое окно – трах! – и выбросил. Двенадцать рублей потом взыскали с меня за разбитое стекло! Хе-хе-хе...

Все сконфуженно молчали.

Толстый купец, сосед Коли, закашлялся и, наклонившись, сплюнул. Плевок описал полукруг, попал на лакированный ботинок Коли и застыл на нем.

Лизочка это видела и заметила, что это видел и Коля. Коля, в свою очередь, чувствовал, что Лизочке известно позор-

ное состояние его ботинка, но вместо того, чтобы потребовать от купца извинения, он потихоньку пододвинул ногу под скамейку и угрюмо, злобно проговорил:

– А то еще был со мной такой забавный слу...

– Ладно, пойдем, – нервно вскочила Лизочка. – Нам здесь сходить.

* * *

Коля Кинжалов и Лизочка, съезжившись под мелким дождем, молча шли к театру.

Коля ненавидел и театр, и ботинок, и Лизочку, и себя – главным образом себя.

Сзади их кто-то догонял.

Мокрый мастеровой внезапно выпрыгнул из тьмы около электрического фонаря и, подойдя боком к Коле, негодуяще и презрительно ткнул пальцем в его щеку.

– Эх, ты! Курица... Туда же... Отчего ты не свистнул ему по уху? Интеллигенты!

Обиженный мастеровой вздохнул и скрылся во тьме.

А Коля оперся плечом об электрический столб и, не стесняясь уже присутствия Лизочки, беззвучно плакал.